

Е. Н. Горбачева
Астрахань, Россия

ОБВИНЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОСТУПОК В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНТИРОССИЙСКОГО ДИСКУРСА)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается перформативный речевой жанр «обвинение» как коммуникативный поступок в ситуации современной информационной войны. Обвинение наделяется качеством поступка, являясь актом социального поведения, что предполагает установку его субъекта на дискурсивную реализацию определенной ценности/антиценности и осознание ответственности за все последствия данного акта. Обвинение является одним из способов ведения информационной войны в современном политическом массмедийном дискурсе. В западноевропейской англоязычной прессе в рамках информационной войны против России обвинение нацелено на создание стереотипного образа России как агрессора и формирование отрицательного к ней отношения. Обвинение может быть представлено в нарративной форме, когда оно реализуется не на стратегическом, а на когнитивном уровне, что подразумевает актуализацию его концептуальных признаков (процесс предъявления обвинения; предмет/субъект/объект обвинения; жертва преступления/правонарушения; субъекты и способы наказания; оценка приписываемого преступления/правонарушения со стороны предъявителя обвинения). В информационных вбросах обвинение выражается косвенно, посредством предикатов с преобладающей семантикой неофициального заявления, отсутствия имен и фамилий лиц, вовлеченных в процесс обвинения, перифраз, выполняющих конспиративную функцию, проведения исторических аналогий, создания тропической образности, выражения предостережения от последующих угроз со стороны обвиняемого. Эффект информационного вброса с обвинительной имплицитной иллюзией может достигаться на уровне заголовков статей. Факт предъявления России безосновательных обвинений подвергается ироническому осмыслению в англоязычном интернет-пространстве в виде различных мемов, объединенных названием «Blame Russia Memes».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обвинения; речевые жанры; политический дискурс; медиадискурс; информационные войны; образ России; мемы; политическая коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горбачева Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Астраханский государственный университет; 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а; e-mail: elenagorbachyova@yandex.ru.

Информационная война является одним из способов коммуникативного взаимодействия субъектов разного рода от государств, их союзов и коалиций до виртуальных социальных сообществ (детальная классификация субъектов информационной войны представлена в работе А. В. Манойло, А. И. Петренко и Д. Б. Фролова [Манойло, Петренко, Фролов 2004: 281]). Взяв за основу ряд определений понятия «информационная война» [Сковородников, Королькова 2015: 161; Некляев 2008: 35; Панарин 2012: 58; Шевцов 2014: 81], мы полагаем, что, будучи направленной на сознание целого народа, определенной социальной группы либо — реже — на сознание индивида [Сковородников, Королькова 2015: 161], информационная война представляет собой систему способов информационно-психологического воздействия на адресата с целью формирования у него ценностной картины мира, выгодной для субъекта воздействия.

Одним из коммуникативных «орудий» информационной войны является речевой жанр «обвинение». Рассмотрим, как оно используется в публикациях англоязычных СМИ, нацеленных на создание определенного имиджа России и стереотипного представления о ее роли на международной политической арене.

Обвинение — перформативный речевой жанр, поскольку представляет собой коммуникативный поступок, т. е. высказывание, являющееся актом социального поведения, что предполагает установку его субъекта на

дискурсивную реализацию определенной ценности/антиценности и осознание ответственности за все последствия данного акта. Смысл реального общения при этом актуализируется посредством ценностно нагруженных коммуникативных действий: 1) осуждения, упрека, укора; 2) обвинения (действия по глаголу «обвинять» — считая виновным в чем-н., возбуждать уголовное преследование против кого-н., привлечь к суду (право, офиц.) [Ожегов, Шведова http; Ушаков 1996]. Ближайшее соответствие лексеме «обвинение» в английском языке — «accusation» — обозначает аналогичные действия: 1) *claim that (someone) has done something wrong* — заявлять, что кто-то поступил неправильно; 2) *charge (someone) with an offence or crime* — предъявлять обвинение кому-либо в нанесении обиды или совершении преступления [Oxford Dictionary of English 2005].

Будучи перформативным жанром, обвинение в политическом дискурсе реализуется посредством тактики дискредитации оппонента в рамках оспаривающей перформативной стратегии, встраиваемой в следующий сценарий:

Я говорю X,
X является одновременно действием,
говоря = делая X, я дискредитирую статус того, кому адресовано действие X,
я несу ответственность за последствия изменения статуса адресата [Горбачева 2015: 160].

В политическом массмедийном дискурсе обвинение представлено в нарративной

форме, поэтому здесь следует говорить о его реализации не на стратегическом, а на когнитивном уровне, что подразумевает актуализацию его концептуальных признаков. Так, в следующей статье под названием «U.S. government officially accuses Russia of hacking campaign to interfere with elections» из газеты «The Washington Post» от 7 октября 2016 г. обвинение представлено в газетном нарративе. Его лексику можно условно разделить на лексико-семантические группы, в которые входят слова и словосочетания, обозначающие следующие признаки концепта «обвинение»:

1) процесс предъявления обвинения. Лексемы с общим значением обвинения — «accuse», «accusation», «blame» — употребляются в статье в сочетании со словами, передающими значения официальности и публичности, благодаря чему увеличивается ценностная значимость самих обвинений в массовом сознании адресата статьи: *The Obama administration on Friday officially accused Russia...* — Администрация Обамы в пятницу официально обвинила Россию...; *The administration also blamed Moscow for the hack...* — Администрация также обвинила Москву в хакерской атаке...; *to go public with an accusation* — предъявить публичное обвинение, *the administration's accusation* — обвинение администрации;

2) предмет обвинения. В заголовке статьи предмет обвинения обозначен как «hacking campaign» / «хакерская кампания». Далее в тексте статьи данное обозначение предмета обвинения употребляется 10 раз: *Other leaks of hacked material followed. — Последовали и другие случаи утечки „хакнутого“ материала; There was no immediate word from the FBI as to whether the Russians were behind the alleged hack. — Со стороны ФБР не было предъявлено ни одного непосредственного доказательства в пользу того, что за данными хакерскими атаками стоит Россия; и т. д.*

Кроме этого, в статье используются перифрастические наименования того же «преступления», что усиливает ее эмоциональное воздействие на читателя:

These thefts and disclosures are intended to interfere with the U.S. election process. — Эти случаи краж и разоблачений нацелены на вмешательство в избирательный процесс в США. Употребление существительных *theft* — «кража, воровство» и *disclosure* — «обнаружение, раскрытие, разоблачение» в форме множественного числа создает нетропеическую образность (возникает образ непрерывного процесса проникновения хакеров в информационные системы США).

On the eve of a critical post-revolution presidential vote in Ukraine in 2014, for instance, a digital assault nearly crippled the website of the country's central election commission. — К примеру, накануне важного послереволюционного президентского голосования в Украине в 2014 г. цифровая атака почти парализовала работу веб-сайта центризбиркома страны. Лексема *assault* — «атака, штурм; нападение, нападки» в сочетании с уточнительным эпитетом *digital* и предикатом *crippled* образует развернутую метафору и создает таким образом тропеическую образность, причем создаваемый образ имеет ярко выраженную негативную оценку.

Moscow orchestrated these hacks because [Russian President Vladimir Putin] believes Soviet-style aggression is worth it. — Москва руководила этими атаками, потому что [Президент России Владимир Путин] считает, что агрессия в советском стиле стоит этого. Слово *aggression* — «агрессия» ассоциируется с началом ссоры или войны, называя неспровоцированное атакующее действие: *the action of attacking without provocation, esp. in beginning a quarrel or war* [New Oxford American Dictionary 2005]. Сочетая это слово с уточнительным эпитетом *Soviet-style*, автор статьи, по-видимому, проводит аналогию с актами вмешательства Советского Союза во внутреннюю политику стран Восточного блока, сложившегося по итогам Второй мировой войны. Благодаря этой аллюзии слово *aggression* в данном контексте имеет характер гиперболы и усиливает воздействующий потенциал всего предложения, призванного создать устрашающий образ России как наследника агрессивной политики Советского Союза.

Тот же образ России как агрессора создается в следующем предложении: *The DNC publicly disclosed the intrusions in June, saying its investigation determined that Russian government hackers were behind the breach. — На съезде Демократической партии в июне официально заявили об атаках, говоря, что их расследование выявило причастность к ним российского правительства.* Слово *intrusion* является метафорическим обозначением предмета обвинения. Будучи употребленным в форме множественного числа, это слово способствует закреплению за Россией стереотипного образа государства, характеризующегося крайне агрессивной внешней политикой.

Наряду с обозначением предмета преступления, в заголовке статьи также раскрывается главная цель вменяемого в вину России «преступления», его мотив — «to interfere

with elections» / «вмешаться в выборы». В тексте статьи глагол «to interfere» употребляется дважды в уточняющих контекстах: *to interfere in the 2016 elections; to interfere with the U.S. election process*. Наряду с этим глаголом для обозначения мотива хакерских атак, в которых обвиняется Россия, автор статьи использует его синоним — глагол «to meddle» — и метафору «to sow discord»:

Assistant Attorney General John Carlin said at the same event that the message to countries, such as Russia, that attempt to meddle in the U.S. election is, "You can and will be held accountable." — Тогда же помощник генпрокурора Джон Карлин сказал, что их посыл к странам, таким как Россия, которые вмешиваются в выборы в США, таков: «Вы можете и будете нести ответственность».

The denunciation <...> came <...> to publicly name Moscow and hold it accountable for actions apparently aimed at sowing discord around the election. — Публичные обвинения направлены в сторону Москвы, на которой лежит ответственность за действия, открыто нацеленные на то, чтобы посеять вражду вокруг выборов;

3) субъект обвинения. Для обозначения субъекта обвинения в статье используются собирательные существительные *administration* — «администрация» и *government* — «правительство» (*The Obama administration, U.S. government*), словосочетание с метонимическим значением *the White House* и имя собственное — *the United States*, которое в данном контексте также употребляется в метонимическом значении, что придает выдвигаемым обвинениям масштабный характер: *The United States must upend Putin's calculus with a strong diplomatic, political, cyber and economic response.* — Соединенные Штаты должны положить конец действиям Путина сильной дипломатической, политической, кибер- и экономической реакцией;

4) объект обвинения. Объект обвинения в представленной статье обозначается аналогичным образом — посредством собирательного существительного *government* (*The U.S. Intelligence Community is confident that the Russian Government directed the recent compromises of e-mails from U.S. persons and institutions <...>.* — Спецслужбы США уверены, что российское правительство причастно к недавним компрометирующим электронным письмам от частных лиц и учреждений Штатов); с помощью имен собственных — *Russia, Moscow, the Kremlin* — в метонимическом значении (*Russia must face serious consequences. Moscow orchestrated these hacks <...>* — Россия должна

иметь серьезные последствия. Москва управляла этими хакерскими атаками; *The public finger-pointing was welcomed by senior Democratic and Republican lawmakers, who also said they now expect the administration to move to punish the Kremlin as part of an effort to deter further acts by its hackers.* — Публичные претензии были поддержаны лидерами Демократической и Республиканской партий, которые также утверждали, что теперь они ждут от своей администрации наказания Кремля, чтобы предотвратить последующие атаки его хакеров).

Автор статьи употребляет и более конкретные обозначения объекта обвинения, которые стали неотъемлемым элементом в устрашающем имидже России, сложившемся в западных СМИ: *...We believe, based on the scope and sensitivity of these efforts, that only Russia's senior-most officials could have authorized these activities.* — Судя по масштабу и засекреченности, как мы считаем, эти действия могли быть произведены только с разрешения высокопоставленных государственных лиц.

Благодаря введению в текст статьи обозначений субъекта и объекта обвинения масштабного, глобального характера реальные исполнители «преступления» — хакеры — переходят из разряда объекта обвинения в инструмент совершения «преступления»;

5) жертва преступления/правонарушения. В соответствии со статьей, жертвами хакерских атак, в которых обвиняется Россия, стали официальные лица, так или иначе связанные с Демократической партией США: *the Democratic National Committee and other political organizations* — Национальный комитет Демократической партии; *Clinton's campaign chairman, John Podesta* — председатель предвыборной кампании Клинтон; *The administration also blamed Moscow for the hack of the Democratic Congressional Campaign Committee and the subsequent leak of private email addresses and cellphone numbers of Democratic lawmakers* — Администрация также обвиняет Москву в хакерской атаке на Комитет по выборам в конгресс Демократической партии и последующей утечке личных электронных писем и телефонных номеров парламентариев-демократов; *It has included the private emails of former secretary of state Colin Powell and aides to former secretary of state and Democratic presidential nominee Hillary Clinton* — Он [хакерский материал] включает в себя личную электронную переписку бывшего госсекретаря Колина Пауэлла и помощников бывшего госсекретаря и кандидата в президенты Хиллари Клинтон.

Полагаем, что многочисленные повторы прилагательного «democratic» в различных контекстах, описывающих жертву «преступления» со стороны России, служат созданию нетропеической образности: российские хакерские атаки представляются посягательством на демократию в государстве, которое постулирует демократические нормы как основополагающие в своем общественно-политическом укладе;

б) субъекты и способы наказания. В статье освещены субъекты и способы наказания на разных уровнях:

а) на уровне исполнительной власти — экономические и дипломатические санкции: *The administration has a range of options, including economic sanctions for malicious cyber-activity, a new tool created by the president that has yet to be used.* — У администрации есть ряд вариантов, включая экономические санкции за злоумышленную киберактивность, новый инструмент, созданный президентом и уже действующий.

Or the State Department can decide to eject Russian diplomats. — Или же Госдеп может принять решение о выдворении российских дипломатов;

б) на уровне судебной власти — официальные обвинения: *The Justice Department could bring indictments for hacking.* — Министр юстиции могло бы предъявить обвинения в хакерских атаках;

в) на уровне Агентства национальной безопасности США — секретная операция в киберпространстве по противодействию российским хакерским атакам:

The National Security Agency could take a covert action in cyberspace to send a signal to the Kremlin. — Агентство национальной безопасности могло бы предпринять секретные действия в киберпространстве как сигнал Кремлю;

7) оценка приписываемого преступления/правонарушения со стороны предъявителя обвинения. Вменяемые в вину России хакерские атаки оцениваются однозначно отрицательно субъектами обвинения, для чего используется прямая этическая оценка в виде эпитета *malicious* — «злой, злонамеренный, преднамеренный» (*malicious cyber-activity*), а также имплицитная психологическая оценка, заложенная в семантике вышеотмеченных лексем *aggression*, *intrusion*, фразеологического оборота *to sow discord* — «сеять раздор» и аллюзии *Soviet-style* — «в стиле Советского Союза» (в западноевропейском сознании сформирован агрессивный, а значит, преимущественно отрицательный образ Советского Союза).

В группе выделенных признаков концепта «обвинение» не представлен один важный признак, без которого любое обвинение переходит в разряд голословного заявления или даже клеветы, — доказательная база.

В ряде похожих статей обвинительного характера отсутствие доказательств вины России компенсируется информационными вбросами — эффективным способом информационного влияния на массовое сознание адресата. Такие высказывания являются выражением косвенного обвинения, когда обвинительная иллюзия завуалирована в информационном сообщении. Например, в статье «Beware: The Russian bear is getting bolder» из газеты «The Washington Post» от 1 декабря 2016 г. Россию обвиняют во вмешательстве в парламентские выборы в Черногории и попытке организовать путч. При этом автор отмечает отсутствие обвинения со стороны официальных властей: *Montenegrin authorities have not publicly accused the Russian government of sponsoring the plot.* — Власти Черногории не предъявили официальных обвинений российскому правительству в осуществлении материальной поддержки организаторам переворота. Здесь при осуществлении информационных вбросов использованы следующие средства:

1) предикаты с преобладающей семантикой неофициального заявления: *But they have identified two Russian nationals who traveled to the country as its organizers, and the Times quoted sources close to the investigation as saying they were intelligence officers.* — Но они опознали двух российских граждан, которые приехали в страну для его [переворота] организации, а газета „Times“ сослалась на источники, близкие к расследованию, утверждая, что они сотрудники разведки; *But veteran analysts say such bold attempts to sow chaos in countries linked to NATO are virtually unprecedented.* — Аналитики с большим стажем говорят, что такие наглые попытки посеять хаос в странах, связанных с НАТО, в сущности беспрецедентны;

2) отсутствие имен и фамилий тех, кто так или иначе вовлечен в процесс обвинения: *But they have identified two Russian nationals who traveled to the country as its organizers...; The men have since returned to Moscow and disappeared.* — Эти два человека вернулись в Москву и исчезли; *But veteran analysts say...;*

3) перифразы, выполняющие конспиративную функцию: *the Times quoted sources close to the investigation; They reflect a regime that has given free rein to its covert operatives...;*

4) проведение исторических аналогий: *Russian intelligence services have been known for meddling in foreign countries since the time of the czars. — Известно, что российские спецслужбы вмешиваются в политику других стран с царских времен;*

5) тропы: *But veteran analysts say such **bold attempts to sow chaos** in countries linked to NATO are virtually unprecedented.*

*They reflect a regime that has given **free rein** to its covert operatives, on the calculation that there will be **little or no pushback** from a **weak and divided West**. — Они отражают режим, который разрешает проведение секретных операций, рассчитывая, что со стороны слабого и разделенного Запада последует слабая реакция или не последует вообще.*

Само название статьи аллегорично: Россия предстает в традиционном образе медведя, а ее якобы агрессивная внешняя политика уподобляется наглому поведению этого животного;

6) выражение предостережения от последующих угроз со стороны обвиняемого — Москвы/России: *Until that theory is proved wrong, **expect more trouble from Moscow's agents**. — Пока эта теория не опровергнута, ожидайте еще проблем со стороны агентов Москвы.*

В названии статьи выражается предостережение от нападок медведя как олицетворения России: *Beware. — Осторожно.*

Вероятно, авторы подобных сообщений выбирают косвенное обвинение, поскольку оно не возлагает на адресанта никакой ответственности. По сути, косвенное обвинение теряет качество коммуникативного поступка.

Эффект информационного вброса с обвинительной имплицитной иллюзией может достигаться на уровне заголовков статей. Так, например, при освещении в западноевропейской англоязычной прессе убийства Бориса Немцова 28 февраля 2015 г. в заголовке статьи из газеты «The New York Times» — «Boris Nemtsov, Putin Foe, Is Shot Dead in Shadow of Kremlin» — используются две перифразы, выполняющие конспиративную функцию: *Putin Foe* — «путинский враг» и *in Shadow of Kremlin* — «в тени Кремля». С помощью первой перифразы автор формирует отрицательное отношение массовой аудитории к Путину и косвенно представляет его как главного виновника убийства. Вторая перифраза основана на каламбуре: в прямом смысле она означает близость к Кремлю того места, где было совершено преступление, в переносном смысле эта перифраза приобретает свойство необъективного факта и означает то, что Борис Немцов

был убит с разрешения / под прикрытием официальной власти.

Факт предъявления России безосновательных обвинений и фактическое превращение презумпции невиновности — одного из основополагающих принципов судопроизводства — в «презумпцию виновности» становится объектом иронии в англоязычном интернет-пространстве в виде различных мемов, объединенных названием «Blame Russia Memes». Так, один из популярных мемов содержит фотографию В. Путина и текст от первого лица, в котором российский президент признается, что он виновен во всех неудачах, сопровождающих предвыборную кампанию Хиллари Клинтон на президентских выборах в США 2016 г.:

I drugged Hillary's cold chai so that she coughed endlessly and short circuited, forcing her to get thrown into a van. Then I phished Podesta and sexted Weiner so that I could order WikiLeaks and the FBI to do my bidding. I also personally filmed all of Project Veritas' undercover videos.

When in doubt: Blame Russia

Ироническое (либо юмористическое) переосмысление дискурса в целом и речевых жанров в частности мы называем карнавализацией. В данном примере высмеиваются многочисленные попытки сторонников Хиллари Клинтон обвинить Россию во вмешательстве в их кампанию и причастности к ее провалу. Формально соответствуя речевому жанру «признание виновности», данный мем является ярким примером карнавализации, которая достигается за счет перечисления абсурдных фактов (подмешивание наркотиков в чай для Клинтон; публикация электронных писем Джона Подесты, председателя предвыборного штаба Хиллари Клинтон; рассылка в Интернете интимных фотографий Энтони Винера, супруга Хумы Абедина, помощницы Хиллари Клинтон; производство всех разоблачительных видеофильмов проекта «Project Veritas», созданного американским журналистом Джеймсом О'Кифом) и таким образом лишает обвинения, звучащие в адрес России, логики и обоснованности.

Авторы некоторых мемов иронизируют по поводу абсурдности обвинений в адрес России, вынося их за пределы политики в разные сферы деятельности человека. В следующем меме имитируется телефонный разговор между Хиллари Клинтон и Рондой Раузи, американской актрисой и бойцом MMA:

— *Hey Hill*

— *Yeah Ronda?*

— *I just lost, what should I do?*

— *Blame Russia.*

В данном примере Хиллари Клинтон предлагает Ронде Раузи винить Россию в своем проигрыше в одном из боев, что представляется тем более абсурдным и невероятным, поскольку Ронда считается одним из лучших в мире бойцов ММА.

В Сети также распространены мемы, действующие лица которых винят российских хакеров либо русских и Россию в целом за свои правонарушения на дороге (*«It's not my fault, officer. The Russians hacked my speedometer»*), за мелкие хулиганства: например, фотографии набедокуривших дома детей или домашних животных сопровождаются подписями *«The Russians did it!»*, *«We're glad you're home. The Russians pooped in the hallway!»*.

Итак, обвинение является одним из способов ведения информационной войны в современном политическом массмедийном дискурсе. В западноевропейской англоязычной прессе в рамках информационной войны против России обвинение нацелено на создание стереотипного образа России как агрессора и формирование отрицательного к ней отношения. Обвинение может быть представлено в нарративной форме, когда оно реализуется не на стратегическом, а на когнитивном уровне, что подразумевает актуализацию его концептуальных признаков (процесс предъявления обвинения; предмет, субъект, объект обвинения; жертва преступления/правонарушения; субъекты и способы наказания; оценка приписываемого преступления/правонарушения со стороны предъявителя обвинения). В информационных вбросах может быть выражено косвенное обвинение. В англоязычном интернет-пространстве факт предъявления России безосновательных обвинений становится объектом иронии в виде различных мемов.

E. N. Gorbacheva
Astrakhan, Russia

ACCUSATION AS A COMMUNICATIVE DEED IN THE CURRENT INFORMATION WARFARE (BASED ON THE ENGLISH POLITICAL MEDIA ANTI-RUSSIAN DISCOURSE)

ABSTRACT. *The article studies the performative speech genre «accusation» as a communicative deed in the situation of current information warfare. Accusation acquires the property of a communicative deed being an act of social behaviour which presupposes its agent's aiming at discursive realization of a certain value/anti-value and being aware of responsibility for the consequences of this deed. Accusation can be one of the instruments of waging information warfare in the present-day political media-discourse. In the Western European media involved in anti-Russian information warfare accusation is aimed at creating a stereotyped image of Russia as an aggressor and forming a negative attitude towards it. Accusation in the media can be used in the narrative form when it's expressed at the cognitive rather than strategic level, which consists in actualizing its conceptual categories (the process of accusing; the subject/agent/object of accusation; the victim of the offence; the agents and ways of punishment; the estimation of the offence by the agent of the accusation). In information attacks accusation is expressed indirectly through predicates expressing unofficial statements, absence of surnames of those who are involved in accusation, periphrases performing the function of conspiracy, historical analogy, tropes and warning against the accused. The effect of information attacks rendering the implicit illocution of accusation can be produced by means of article titles. The fact of accusing Russia without giving evidence in the Western European political media-discourse is mocked at in the so-called «Blame Russia Memes».*

KEYWORDS: *accusation; speech genre; political discourse; media discourse; information warfare; the image of Russia; meme; political communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gorbacheva Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры : моногр. — Астрахань : Астрахан. гос. ун-т ; Изд. дом «Астраханский университет», 2015. 304 с.
2. Иванова С. В., Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71—75.
3. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности : учеб. пособие. — М. : МИФИ, 2004. 392 с.
4. Некляев С. Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2008. № 5. С. 35—51.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 20.03.2017).
6. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. — М. : Поколение, 2012. 411 с.
7. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000.
8. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.
9. Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160—172.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : ТЕРРА, 1996.
11. Шевцов А. М. Техника ведения дискуссии как один из инструментов ведения информационно-психологической войны // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 1 (6). С. 81—83.
12. Beware: The Russian bear is getting bolder. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 27.03.2017).
13. Blame Russia Memes. URL: <https://yandex.ru> (date of access: 15.03.2017).
14. Boris Nemtsov, Putin Foe, Is Shot Dead in Shadow of Kremlin. URL: <https://www.nytimes.com> (date of access: 29.03.2017).
15. New Oxford American Dictionary (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
16. Oxford Dictionary of English (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
17. U.S. government officially accuses Russia of hacking campaign to interfere with elections. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 18.03.2017).

REFERENCES

1. Gorbacheva E. N. Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry : monogr. — Astrakhan' : Astrakhan. gos. un-t ; Izd. dom «Astrakhanskiy universitet», 2015. 304 s.
2. Ivanova S. V., Spodarets O. O. Realizatsiya strategii sub"ektivizatsii v strukture novostnogo politicheskogo diskursa SMI // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3. S. 71—75.
3. Manoylo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskikh konfliktov vysokoy intensivnosti i sotsial'noy opasnosti : ucheb. posobie. — M. : MIFI, 2004. 392 s.
4. Neklyayev S. E. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v usloviyakh setevoy voyny kak novaya forma ugrozy natsional'noy bezopasnosti // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2008. № 5. S. 35—51.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (data obrashcheniya: 20.03.2017).
6. Panarin I. N. SMI, propaganda i informatsionnye voyny. — M. : Pokolenie, 2012. 411 s.
7. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000.
8. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50.
9. Skovorodnikov A. P., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 160—172.
10. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova. — M. : TERRA, 1996.
11. Shevtsov A. M. Tekhnika vedeniya diskussii kak odin iz instrumentov vedeniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. 2014. № 1 (6). S. 81—83.
12. Beware: The Russian bear is getting bolder. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 27.03.2017).
13. Blame Russia Memes. URL: <https://yandex.ru> (date of access: 15.03.2017).
14. Boris Nemtsov, Putin Foe, Is Shot Dead in Shadow of Kremlin. URL: <https://www.nytimes.com> (date of access: 29.03.2017).
15. New Oxford American Dictionary (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
16. Oxford Dictionary of English (for ABBYY Lingvo x3). — Oxford Univ. Pr., 2005.
17. U.S. government officially accuses Russia of hacking campaign to interfere with elections. URL: <https://www.washingtonpost.com> (date of access: 18.03.2017).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Карасик.